

МУНИРА ВАГИНА

Не достанься ТЫ НИКОМУ

Настоящие
чувства
всегда
красивее
игры...



СОВРЕМЕННЫЙ
ЛЮБОВНЫЙ
РОМАН

18+

Мунира Вагина

Не доста́нься ты́ нико́му

«Автор»

2026

Вагина М.

Не достанься ты никому / М. Вагина — «Автор», 2026

Лиза Воронцова привыкла рассчитывать только на себя. После смерти матери у неё остаются старая квартира, работа реставратора и слишком много воспоминаний. Но когда её дом попадает под расселение, Лиза сталкивается с семьёй Корсаковых — богатой, влиятельной и привыкшей получать всё, что хочет. Сначала в её жизнь входит Марк Корсаков — молодой архитектор, дерзкий наследник, рядом с которым легко смеяться и забывать о разнице между их мирами. Потом появляется его отец Александр — мужчина, способный одним решением изменить чужую судьбу. С ним всё опаснее: меньше слов, больше тишины, в которой слишком многое становится понятным. Но найденная фотография связывает Корсаковых с прошлым Лизиной семьи. За любовным треугольником открываются старая ложь, предательство и тайна, которую кто-то готов защищать любой ценой. Когда чувства превращаются в борьбу, Лизе предстоит понять главное: любовь — это не «достаться» кому-то. Это самой выбрать, рядом с кем хочется остаться.

© Вагина М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Последний дом	5
Глава 2. Женщина, которая не просит	13
Глава 3. Корсаков-старший	25
Глава 4. Старинный особняк	32
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Не достанься ты никому

Глава 1. Последний дом

Дом стоял в глубине двора, будто давно уже знал о своей судьбе и потому не пытался казаться моложе. Серый фасад потемнел от дождей, балконы держались на ржавых металлических кронштейнах, а в подъезде пахло старой штукатуркой, кошками и чем-то тёплым, домашним — смесью пыли, варёного картофеля и чужих жизней.

Елизавета Воронцова жила здесь с детства.

Когда она была маленькой, ей казалось, что лестница между вторым и третьим этажами бесконечна, а липа под окнами выше любого московского небоскрёба. Мать по вечерам ставила чайник, открывала форточку и говорила, что у каждого человека должен быть хотя бы один угол, куда он может вернуться без объяснений.

Теперь матери не было.

А угол собирались снести.

Лиза стояла у окна кухни и смотрела, как во двор один за другим заезжают чёрные автомобили. У соседнего подъезда уже собрались жильцы: кто-то держал папку с документами, кто-то ругался по телефону, кто-то просто молчал, как будто молчанием ещё можно было удержать стены.

На столе перед Лизой лежало уведомление.

«В связи с реализацией проекта комплексного развития территории...»

Дальше шли сухие юридические формулировки, которые не имели никакого отношения к тому, что на этой кухне мать когда-то учила её чистить яблоки тонкой непрерывной лентой, здесь стоял старый дубовый буфет, который Лиза сама отреставрировала, а в дверном косяке всё ещё оставались карандашные отметки её роста.

Сто шестьдесят два.

Сто шестьдесят семь.

Сто семьдесят.

Последнюю отметку мать сделала, когда Лизе исполнилось семнадцать.

После похорон Лиза впервые задумалась, что человеческая жизнь состоит не из больших событий, а из таких вот черточек на косяке. А теперь кто-то собирался провести по этому дому одну большую черту.

— Лизонька!

В дверь забарабанили.

Она открыла.

На площадке стояла Тамара Павловна с четвёртого этажа — маленькая, прямая, в синем пальто, которое носила уже лет пятнадцать.

— Они приехали. Эти. Из компании.

— Я вижу.

— Пойдёшь?

— Конечно.

— Ты только спокойно с ними, — попросила старушка и тут же добавила: — Хотя нет. Не спокойно. А то они спокойных не слышат.

Лиза невольно улыбнулась.

— Разберёмся.

Она взяла папку, где за последние три недели собрала договоры, выписки, копии оценок и таблицу, которую составила сама. Именно таблица больше всего злила её.

На бумаге всё выглядело почти пристойно.

Каждому жильцу предлагали компенсацию или квартиру взамен. Но если читать приложения внимательно, становилось ясно: стоимость квадратного метра в разных случаях отличалась необъяснимо сильно. Молодой семье с третьего этажа предложили квартиру в новом доме. Одинокой пенсионерке — денежную компенсацию, которой едва хватило бы на комнату в пригороде. Ветерану труда из первого подъезда дали срок на согласие всего десять дней.

И почти все боялись спорить.

Фамилия Корсаков действовала на людей сильнее печатей.

Группа «Корсаков Девелопмент» строила гостиницы, бизнес-центры, жилые кварталы. О ней писали в деловой прессе. Владельца компании, Александра Корсакова, называли человеком, который способен договориться с кем угодно. Его сын Марк всё чаще появлялся рядом с ним на фотографиях — высокий, молодой, слишком уверенный для человека, которому никогда не приходилось считать деньги до зарплаты.

Лиза закрыла дверь квартиры.

— Идёмте, Тамара Павловна.

Во дворе уже поставили складные стулья. На импровизированной встрече присутствовали человек тридцать жильцов, несколько сотрудников районной администрации и представители компании. Один из них говорил в микрофон о развитии городской среды.

Лиза остановилась в стороне.

Слова текли гладко.

«Комфорт».

«Современная инфраструктура».

«Индивидуальный подход».

Она посмотрела на лица соседей.

Люди слушали не про инфраструктуру. Каждый слышал только одно: куда меня отправят жить?

— Компания гарантирует всем собственникам справедливые рыночные условия, — продолжал представитель.

— Какие именно? — громко спросила Лиза.

Мужчина запнулся.

Несколько человек обернулись.

— Представьтесь, пожалуйста.

— Елизавета Воронцова. Квартира двадцать семь.

— Все предложения рассчитываются индивидуально.

— Тогда объясните индивидуальность вот этого расчёта.

Она подняла бумаги.

— Квартира Тамары Павловны — тридцать восемь квадратных метров. Ваша оценка ниже средней цены по району почти на двадцать семь процентов. При этом квартира этажом выше оценена значительно дороже. Почему?

Представитель компании посмотрел на стоявшую рядом женщину-юриста.

— Нам необходимо видеть документы.

— Вы их видели. Вы их составляли.

По толпе прошёл лёгкий смехок.

Лиза не улыбнулась.

— И второй вопрос. Почему Николаю Фёдоровичу дали десять календарных дней на принятие решения, хотя в другом договоре указан месяц?

— Елизавета, — произнёс мужчина уже менее уверенно, — подобные вопросы лучше обсуждать индивидуально.

— Именно этого вы и хотите. Разделить людей по квартирам, чтобы каждый думал, что проблема только у него.

Теперь никто не смеялся.

За спиной представителей компании остановился ещё один автомобиль.

Лиза сначала не обратила внимания.

Дверь открылась.

Из машины вышел мужчина в светлом пальто поверх тёмного костюма. Лет тридцать, может, немного больше. Высокий. Без галстука. Волосы чуть растрёпаны, будто он ехал с открытым окном или только что снял шлем. Он быстро оглядел двор и что-то спросил у помощника.

Сотрудники компании заметно оживились.

Кто-то сказал:

— Марк Александрович приехал.

Лиза сразу поняла, кто это.

Марк Корсаков.

На фотографиях в интернете он выглядел самодовольнее.

Вживую — опаснее.

Не потому, что производил впечатление жёсткого человека. Напротив, в его манере двигаться было слишком много свободы. Так ходят люди, которые редко сталкиваются с закрытыми дверями.

Он подошёл к группе, выслушал несколько тихих фраз от юриста и посмотрел на Лизу.

Взгляд задержался чуть дольше, чем требовала ситуация.

Она почувствовала это и сразу разозлилась — прежде всего на себя.

— Продолжайте, — сказал Марк.

— Мы как раз обсуждали частные вопросы отдельных жильцов, — поспешил пояснить представитель.

— Нет, — сказала Лиза. — Мы обсуждали систему.

Марк перевёл взгляд на неё.

— Тогда давайте систему.

Он не попросил микрофон. Просто встал напротив.

— Хорошо. Почему вашей компании выгоднее разговаривать с каждым отдельно, а не показать единый принцип расчёта компенсаций?

— Потому что квартиры разные.

— На одном этаже?

— Состояние, площадь, юридические обстоятельства.

— А пожилой возраст собственника тоже снижает цену квадратного метра?

Кто-то позади Лизы негромко сказал:

— Правильно.

Марк чуть прищурился.

— Вы юрист?

— Нет.

— Риелтор?

— Нет.

— Тогда откуда расчёты?

— Я умею читать.

В толпе снова засмеялись.

На этот раз уголок его рта тоже дрогнул.

— Сильный навык, — сказал он.

— Очень мешает некоторым компаниям.

Теперь он улыбнулся открыто.

Лиза пожалела, что заметила, как ему идёт улыбка.

— Покажите таблицу.

— Зачем?

— Чтобы прочитать.

Она протянула ему папку.

Марк взял бумаги и некоторое время молча просматривал строки. Его выражение постепенно менялось. Исчезла лёгкая насмешка.

Он позвал женщину-юриста.

— Ольга Павловна, это наши цифры?

— Нужно проверить исходные данные.

— Я спрашиваю, предложения наши?

— Да, но...

— Почему такая разница?

— Там несколько подрядчиков по оценке.

— Значит, сведите к одному стандарту.

— Марк Александрович, это может изменить бюджет переселения.

— Отлично. Значит, изменим бюджет.

Лиза неожиданно почувствовала растерянность.

Она приготовилась спорить. Даже мысленно выстроила несколько ответов на предполагаемые возражения. Но Марк не стал защищать очевидно плохое решение только потому, что оно принадлежало его компании.

Это сбивало с привычной позиции.

Он закрыл папку.

— Завтра к шести вечера подготовьте сравнительный расчёт по всем квартирам, — сказал он юристу. — И никаких сроков в десять дней до завершения проверки.

Потом снова повернулся к Лизе.

— Устроит?

— Нет.

На этот раз удивился он.

— Почему?

— Потому что я не знаю, что будет в вашем сравнительном расчёте.

— Вы всегда настолько недоверчивая?

— Когда человек, который собирается снести мой дом, предлагает мне поверить ему на слово — да.

Его взгляд стал серьёзнее.

— Я не собираюсь сносить ваш дом лично.

— Какая разница? Экскаватор принадлежит вашей компании.

— Вообще-то подрядчику.

— Это должно меня утешить?

Несколько секунд они смотрели друг на друга.

Шум двора словно отступил.

Лиза вдруг отчётливо поняла, что мужчина ей нравится.

Именно сейчас.

Именно в тот момент, когда хотелось сказать ему что-нибудь особенно неприятное.

Это было настолько неуместно, что она почти рассердилась на собственное тело за эту мгновенную, предательскую реакцию: на красивую линию его рта, тёмные глаза, спокойствие, за которым угадывалось упрямство не меньше её собственного.

Она первой отвела взгляд.

Марк вернул ей папку.

— Хорошо. Завтра вы тоже получите расчёт.

— Все жилыцы получают.

— Все.

— В письменном виде.

— Да.

— С методикой оценки.

— Вы всегда заключаете договор до того, как вам его предложили?

— Обычно это экономит время.

Он засмеялся.

Не громко, но совершенно искренне.

— Ладно, Елизавета Воронцова. Методика тоже будет.

Она заметила, что он запомнил имя.

Ей это не понравилось.

Или понравилось слишком сильно.

Встреча продолжилась ещё минут сорок. Марк отвечал на вопросы жильцов сам, несколько раз делал пометки в телефоне и дважды прерывал собственных сотрудников, когда те начинали говорить слишком канцелярски.

Лиза наблюдала за ним издалека.

Постепенно её первоначальный образ рассыпался.

Он не был мальчиком, которого папа прислал изображать заботу о людях. Во всяком случае, не выглядел им.

Но она слишком хорошо знала, как легко симпатичный человек заставляет простить систему, частью которой остаётся.

Когда встреча закончилась, соседи окружили её.

— Молодец, Лиза.

— Ты видела, как они сразу зашевелились?

— А этот Корсаков ничего вроде, — шепнула Тамара Павловна.

— Что «ничего»?

— Мужчина.

— Тамара Павловна!

— А что? Я старая, не слепая.

Лиза рассмеялась впервые за весь день.

— Вам бы только женить кого-нибудь.

— Тебя давно пора.

— Вот теперь точно домой.

Она проводила старушку до подъезда, а сама задержалась во дворе. Солнце уже опустилось ниже крыш. Старый дом стал золотистым с одной стороны и почти чёрным с другой.

Лиза подняла телефон и сфотографировала окна своей квартиры.

Зачем — не знала.

Возможно, чтобы потом помнить.

— Для суда или на память?

Она обернулась.

Марк стоял в нескольких шагах. Его сотрудники уже разошлись. Пальто он держал на руке, оставшись в белой рубашке с закатанными рукавами.

— А вы всегда подкрадываетесь к людям?

— Вообще-то я шёл по асфальту.

— Очень тихо.

— Буду предупреждать сиреной.

Лиза убрала телефон в сумку.

— Вам что-то нужно?

- Хотел спросить про вашу таблицу.
- Я всё вам отдала.
- Не всё. Здесь указаны несколько квартир, владельцы которых вообще не пришли сегодня.
- Я разговаривала с ними сама.
- Почему?
- Она пожала плечами.
- Потому что никто другой не разговаривал.
- Марк посмотрел на дом.
- Вы всех здесь знаете?
- Почти.
- И вам действительно настолько важно, чтобы каждый получил хорошую квартиру?
- Она нахмурилась.
- Станный вопрос.
- Почему?
- Потому что вы произносите это так, будто бескорыстие кажется вам подозрительным.
- В моём мире почти всё имеет причину.
- В моём тоже. Просто причина не всегда деньги.
- Он некоторое время молчал.
- Вы меня не любите, — наконец сказал Марк.
- Я вас не знаю.
- Но уже не любите.
- Я не люблю ситуацию.
- Это дипломатичный ответ.
- Не привыкла быть дипломатичной.
- Я заметил.
- Лиза хотела уйти, но он вдруг спросил:
- Что вы будете делать после сноса?
- Она посмотрела на свои окна.
- Этот вопрос ударил неожиданно точно.
- Жить, — сказала она.
- Где?
- Где-нибудь.
- А мастерская?
- Теперь она резко повернулась.
- Откуда вы знаете про мастерскую?
- В документах указана ваша профессия. Реставратор.
- И?
- Я подумал, что человеку вашей профессии сложно работать в маленькой квартире.
- Мне хватает.
- Пока хватает.
- Вот теперь знакомая интонация появилась снова — спокойная уверенность человека, который привык просчитывать чужую жизнь на несколько шагов вперёд.
- Лиза почувствовала, как возвращается раздражение.
- Не надо.
- Что?
- Смотреть на меня как на задачу, которую можно решить.
- Марк поднял брови.
- Я этого не делаю.

— Делаете. У вас прямо на лице написано: квартира плохая, мастерская тесная, девушка упрямая, надо предложить вариант получше.

— А если вариант действительно лучше?

— Тогда он должен быть лучше потому, что справедливый. Не потому, что вы решили сделать мне одолжение.

Он сделал шаг ближе.

Не настолько, чтобы это выглядело намеренно. Но дистанция между ними вдруг стала личной.

— Вы всегда так разговариваете с людьми, которые пытаются вам помочь?

— Только если помощь очень похожа на попытку купить моё согласие.

Его лицо изменилось.

Не обиделось. Скорее заинтересовалось.

— Вы думаете, я хочу вас купить?

— Я думаю, вы привыкли, что деньгами можно ускорить любую договорённость.

— Деньги действительно многое ускоряют.

— Вот видите.

— Но не всё.

— Правда?

Марк чуть улыбнулся.

— Вы, например, заметно усложняете процесс.

Лиза тоже почти улыбнулась, но удержалась.

— Привыкайте.

Он посмотрел на неё так внимательно, что ей снова захотелось уйти первой.

— Вы думаете, у всего есть цена, — сказала она.

— Почти у всего.

Тогда Лиза произнесла то, что пришло само, без подготовки:

— Значит, вам однажды придётся встретить человека, которого вы не сможете купить.

Марк ничего не ответил.

Несколько секунд в его глазах оставалась прежняя насмешка, потом исчезла.

Он смотрел на неё уже иначе.

Не как на жильца проблемного дома.

Не как на женщину, которая мешает проекту.

Как будто услышал вызов, который почему-то захотел принять.

— Возможно, — сказал он наконец. — Я уже встретил.

Лиза почувствовала, как сердце ударило сильнее.

Она ненавидела такие реплики.

Особенно когда они действовали.

— До завтра, Марк Александрович.

Она развернулась и пошла к подъезду.

— Елизавета.

Лиза остановилась, но не обернулась.

— Что?

— Завтра расчёты действительно будут.

Теперь она всё-таки посмотрела на него.

— Посмотрим.

Она вошла в подъезд и закрыла дверь.

Только поднявшись на второй этаж, позволила себе остановиться.

Внутри было тихо.

Слишком тихо после двора, голосов и его последней фразы.

Лиза провела ладонью по холодным перилам и сердито усмехнулась самой себе.
Дом собирались снести.
Жизнь снова менялась без её разрешения.
А она почему-то думала не об этом.
Она думала о мужчине, который стоял сейчас во дворе и смотрел ей вслед.
И ещё не знала, что совсем скоро этот дом станет самой маленькой из проблем, которые принесёт в её жизнь фамилия Корсаков.

Глава 2. Женщина, которая не просит

Утром Лиза проснулась раньше будильника.

За окном было ещё серо, двор только начинал наполняться звуками: где-то хлопнула дверь подъезда, зашуршали по асфальту колёса тележки дворника, наверху коротко закашлял сосед. Обычное утро в доме, который вчера официально назвали «объектом, подлежащим расселению».

Лиза лежала, глядя в потолок, и пыталась понять, почему первая мысль была не о доме. «Возможно, я уже встретил».

Она сердито перевернулась на другой бок.

Самоуверенный.

И главное — сказал так, словно точно знал, какое впечатление произведёт.

Лиза терпеть не могла мужчин, которые заранее были уверены в собственной привлекательности. Особенно тех, кому с детства объяснили, что закрытые двери существуют лишь до тех пор, пока не названа правильная сумма.

Она села на кровати и потянулась за телефоном. Никаких сообщений от Корсаковых не было.

Почему-то это тоже немного задело.

— Прекрасно, — сказала она вслух. — Уже начинаешь ждать.

На кухне сохранилась мамина чашка — белая, с тонкой синей полосой. После похорон Лиза несколько раз собиралась убрать её в шкаф, но так и не смогла. Ставила рядом со своей, будто Елена Воронцова просто вышла ненадолго и сейчас вернётся.

Лиза заварила кофе и открыла папку с документами жильцов.

Вчера Марк обещал расчёты.

Сегодня она собиралась получить их, проверить каждую цифру и не позволить ни одной обаятельной улыбке отвлечь себя от главного.

В девять утра позвонила Тамара Павловна из сорок второй квартиры.

— Лизонька, ты не знаешь, что там решили? Я всю ночь не спала. У меня давление. Если они меня на другой конец города отправят, как я к поликлинике ездить буду?

— Пока ничего не решили. Я сегодня всё узнаю.

— Ты только не ругайся с ними сильно.

Лиза усмехнулась.

— Постараюсь ругаться вежливо.

— Ты у нас такая же, как мать. Елена тоже могла улыбаться и одновременно человека к стенке поставить.

Лиза замолчала.

За последние месяцы любое случайное упоминание матери всё ещё отзывалось короткой внутренней болью.

— Мамы сейчас очень не хватает, — тихо сказала она.

— Хорошая была женщина. Гордая только слишком.

После разговора Лиза ещё несколько секунд держала телефон в руке.

«Гордая слишком».

Эту фразу она слышала о матери десятки раз. В детстве считала гордость достоинством. Позже поняла, что иногда за ней скрывается обычный страх — попросить, признаться, показать, что тебе кто-то нужен.

Наверное, кое-что передавалось по наследству.

В мастерскую Лиза спустилась ближе к десяти. Она занимала две небольшие комнаты на первом этаже соседнего корпуса. Когда-то здесь была сапожная мастерская, потом помеще-

ние долго пустовало, и Лиза сняла его почти за бесценок. Старые стены она покрасила сама, стеллажи собрал знакомый плотник, а большой рабочий стол достался от мастерской, где она проходила практику.

Сегодня на столе стояло кресло конца девятнадцатого века с повреждённой резьбой на подлокотнике.

Работа успокаивала.

Дерево было честнее людей. Если трещина есть — её видно. Если соединение разрушено — бесполезно убеждать себя, что оно выдержит. Нужно разобрать, очистить, укрепить и только потом собирать заново.

Лиза надела фартук, убрала волосы и принялась за работу.

Через час телефон завибрировал.

Незнакомый номер.

— Елизавета?

Она узнала голос сразу.

— Марк Александрович.

— Уже прогресс. Вчера вы произносили моё имя так, будто оно значится в уголовном деле.

— А сегодня?

— Сегодня всего лишь как диагноз.

Лиза невольно улыбнулась.

— Вы обещали расчёты.

— Именно поэтому звоню. Вы в доме?

— Рядом.

— Могу подъехать через двадцать минут.

— С юристами?

Небольшая пауза.

— Нет.

— С охраной?

— Вы считаете, мне нужна охрана?

— Пока не решила.

Он засмеялся.

— Через двадцать минут.

— Марк Александрович...

— Да?

— Если расчётов не будет, зря приедете.

— Будут.

Он отключился первым.

Лиза посмотрела на экран, потом положила телефон подальше.

Двадцать минут спустя возле мастерской остановилась тёмная машина. Не вчерашний представительский автомобиль с водителем — обычный серый седан. Марк вышел сам, держа под мышкой папку.

Он был без галстука, в тёмных брюках и светлой рубашке с закатанными рукавами. Этот почти небрежный вид неожиданно сделал его моложе.

Лиза заметила это и тут же разозлилась на себя за наблюдательность.

Марк открыл дверь мастерской и остановился на пороге.

— Ничего себе.

— Что?

— Я ожидал что-то вроде офиса.

— А получил реальность.

Он осмотрелся.

На стенах висели инструменты, на полках стояли баночки с воском, маслами, клеем, образцами шпона. У окна лежали фрагменты старой резьбы. В углу под тканью скрывался высокий шкаф, ожидавший реставрации.

— Вы всё это делаете сами?

— Нет. По ночам приходят специально обученные феи.

Марк посмотрел на неё.

— Вы со всеми такая?

— С какими — такая?

— Колючая.

— Только с людьми, которые входят без стука.

Он обернулся на дверь.

— Она была открыта.

— Это не отменяет стука.

Марк вышел за порог.

Через секунду раздались два аккуратных удара.

Лиза прикусила губу, чтобы не рассмеяться.

— Войдите.

Он снова появился в дверях.

— Доброе утро, Елизавета. Можно?

— Теперь можно.

— Уже лучше.

Он положил папку на свободный край стола.

— Я принёс новые расчёты.

Слово «новые» заставило Лизу поднять глаза.

— То есть старые всё-таки были неправильными?

— Формально — нет.

— Люблю это слово. После него обычно объясняют, почему несправедливость законна.

Марк вздохнул.

— Формально компания выполняла минимальные обязательства. Но вы были правы: по нескольким квартирам условия действительно получались хуже исходных.

Лиза молча открыла папку.

Внутри лежали таблицы по каждому жильцу. Она быстро пробежала глазами первые страницы и остановилась на фамилии Тамары Павловны.

— Здесь квартира в том же районе.

— Да.

— И метраж больше на четыре метра.

— Да.

— Доплата?

— Нет.

Лиза подняла глаза.

— Почему?

— Потому что мы пересчитали не только площадь, но и фактическую стоимость жилья, транспортную доступность и состояние квартир.

— Кто «мы»?

— Я и отдел переселения.

— За одну ночь?

— Я умею быть убедительным.

— Представляю.

Она листала дальше.

Семье Самойловых вместо квартиры за МКАД теперь предлагали жильё ближе к школе детей. Пенсионеру с третьего этажа сохраняли район и первый этаж. Молодой семье добавили компенсацию за ремонт.

Лиза несколько раз перечитала цифры.

Внутри постепенно ослабевало напряжение, с которым она ждала подвоха.

— Это уже похоже на разговор, — сказала она наконец.

Марк прислонился к столу.

— Вы сейчас меня похвалили?

— Не преувеличивайте.

— Но близко?

— Очень далеко.

Он улыбнулся.

Лиза снова посмотрела в документы.

— Почему вы это сделали?

— Вы просили проверить.

— Я много чего вчера говорила.

— Это я тоже заметил.

— Марк.

Впервые она произнесла его имя без отчества.

Он перестал улыбаться.

Всего одно слово, а между ними будто что-то незаметно изменилось.

— Почему? — повторила Лиза.

Марк немного помолчал.

— Потому что вчера вечером я действительно всё посмотрел. И понял, что вы правы.

Ответ оказался настолько простым, что она не сразу нашлась.

— Богатые люди умеют признавать ошибки?

— Иногда. Если рядом достаточно настойчивая женщина.

— Значит, всё-таки считаете это одолжением мне?

— Нет. Вы раздражаете меня достаточно сильно, чтобы я не путал это с благотворительностью.

Лиза рассмеялась.

На этот раз не удержалась.

Марк смотрел на неё и вдруг стал серьёзным.

Она заметила этот взгляд.

— Что?

— Ничего.

— Вы так смотрите, когда «ничего»?

— А как я смотрю?

— Будто что-то придумали.

— Я просто впервые вижу, как вы смеётесь.

Слова были совсем простыми.

Но Лиза почему-то отвела взгляд.

— Не привыкайте.

— Уже поздно.

Она вернулась к документам.

— Здесь не хватает расчёта по моей квартире.

— Не хватает.

— Почему?

— Хотел обсудить отдельно.
Лиза медленно закрыла папку.
— Вот теперь начинается интересное.
— Не то, что вы думаете.
— Вы даже не знаете, что я думаю.
— Знаю. Что Корсаков приехал лично, потому что решил предложить вам что-нибудь особенное.
— Разве нет?
— Есть два варианта. Квартира чуть больше вашей в этом районе или денежная компенсация по рыночной оценке плюс двадцать процентов.
— Почему плюс двадцать?
— Потому что ваша квартира в хорошем состоянии, а часть мебели и встроенных элементов имеет ценность.
Лиза нахмурилась.
— Вы были у меня дома?
— Нет.
— Тогда откуда знаете о состоянии?
Марк кивнул на мастерскую.
— Предположил.
— Слишком уверенно.
— Профессиональная деформация.
— Какая профессия? Наследник?
Улыбка исчезла с его лица.
Лиза сразу поняла, что попала точнее, чем хотела.
Он выпрямился.
— Архитектор.
— Я знаю.
— Тогда зачем?
Вопрос прозвучал спокойно, но за ним было что-то настоящее.
Лиза на секунду растерялась.
— Потому что вы ведёте себя как человек, который привык решать всё одним звонком.
— А если я действительно могу?
— Это не значит, что нужно.
— Странная претензия.
— Почему?
— Большинство людей жалуются, что проблемы никто не решает. Вы жалуетесь, что я решаю их слишком быстро.
— Я не жалуюсь. Я хочу понимать цену решения.
— Опять цена.
— Вы сами вчера сказали, что она есть почти у всего.
Марк всмотрелся в её лицо.
— А вы запомнили.
— У меня хорошая память.
— Это опасно.
— Для кого?
— Похоже, для меня.
Несколько секунд они молчали.
Где-то с улицы донёсся сигнал автомобиля. В мастерской пахло деревом и льняным маслом.

Марк первым отвёл взгляд.

— Покажете квартиру?

Лиза насторожилась.

— Зачем?

— Хочу понять, что именно вы теряете. Не в квадратных метрах.

Она чуть прищурилась.

— Это новый способ оценивать недвижимость?

— Нет. Старый способ оценивать ошибки.

Лиза могла отказаться.

Наверное, должна была.

Но в его голосе впервые не было ни деловой уверенности, ни игры.

— Хорошо, — сказала она. — Пять минут.

— У вас всё измеряется лимитами?

— С вами — да.

Они вышли из мастерской.

До дома было меньше двухсот метров. Марк шёл рядом, не пытаясь обгонять. Несколько жильцов узнавали его и смотрели настороженно. Тамара Павловна, сидевшая у подъезда на лавочке, первой заметила Лизу.

— Ну что?

— Пересчитали, — ответила Лиза. — Вам оставляют район.

Старушка всплеснула руками.

— Правда?

— Правда.

Она посмотрела на Марка.

— Это вы тот самый?

— Смотря что про меня рассказывали.

— Что богатый.

— Тогда, вероятно, я.

Тамара Павловна неожиданно схватила его за руку.

— Спасибо вам. Мне отсюда далеко нельзя. У меня врач рядом. И могила мужа на Ваганьковском... Я всю жизнь тут.

Марк явно не ожидал прикосновения.

На секунду его лицо стало растерянным.

— Не за что.

— Есть за что.

Лиза наблюдала за ним.

Он не отдернул руку, не посмотрел на часы и не передал старушку воображаемому помощнику. Просто стоял и слушал, пока Тамара Павловна рассказывала, как сорок три года прожила в одной квартире.

Что-то в Лизе едва заметно сдвинулось.

Она тут же напомнила себе: один нормальный поступок ещё не делает человека хорошим.

Но и плохим, пожалуй, тоже.

В подъезде Марк поднял голову к потолку.

— Здесь всегда так темно?

— Лампочку выкрутили неделю назад.

— Почему не заменили?

— Потому что дом сносят. Теперь всё объясняют этим.

На втором этаже Лиза достала ключ.

Перед дверью вдруг почувствовала странное смущение.

Она приглашала сюда клиентов, друзей, соседей. Но Марк принадлежал к миру, где квартиры, вероятно, были размером с весь их этаж.

Ей стало неприятно от самой мысли, что он может что-то оценивать.

— Если собираетесь жалеть, лучше не входите.

Марк нахмурился.

— Вы всегда заранее решаете, что человек почувствует?

— Экономит время.

— Тогда мы похожи больше, чем вам хотелось бы.

Она открыла дверь.

Квартира была небольшой: две комнаты, кухня, длинный узкий коридор. Но всё здесь было сделано руками Лизы и её матери. Старый паркет они сохранили и отреставрировали сами. Двери очистили от нескольких слоёв краски. В гостиной стоял круглый стол с тонкими резными ножками, найденный когда-то на даче у знакомых.

Марк вошёл и сразу перестал говорить.

Он медленно осмотрел потолочные карнизы, двери, мебель.

— Вы правда сами это восстановили?

— Часть я, часть мама.

Он подошёл к небольшому комоду у стены.

— Красное дерево?

Лиза удивилась.

— Вы разбираетесь?

— Немного.

— «Немного» люди обычно не отличают махагони от окрашенной сосны.

— У моего отца слабость к старой мебели.

— А у вас?

Марк провёл пальцами по краю столешницы, не касаясь полировки.

— К пространству. Мне нравится, когда вещи стоят именно там, где должны.

— Это и есть архитектура?

— В хорошем варианте — да. Не строить побольше, а понимать, зачем человеку именно это пространство.

Лиза посмотрела на него иначе.

Впервые Марк говорил о своей работе без иронии.

И в эту минуту перестал быть для неё просто фамилией на документах.

— Покажете? — спросила она.

— Что?

— То, что вы сами построили. Не компания. Вы.

Он улыбнулся, но уже не самоуверенно.

— Когда-нибудь.

Лиза прошла на кухню.

— Кофе будете?

Он остановился.

— Это приглашение?

— Это кофе.

— Жаль.

— Уже передумала.

— Буду.

Она поставила турку на плиту.

Марк сел за маленький стол у окна и выглядел здесь неожиданно неуместно — слишком высокий, слишком дорогая рубашка, слишком уверенная осанка. Но через минуту эта неуместность исчезла.

— Вы одна здесь живёте? — спросил он.

Лиза замерла на секунду.

— Теперь одна.

Он понял.

— Простите.

Она кивнула.

— Мама умерла четыре месяца назад.

— Я не знал.

— Не должны были.

— И всё это началось после?

— Уведомление о расселении пришло через три недели после похорон.

Марк медленно выдохнул.

— Неудачное совпадение.

— Очень.

Лиза разлила кофе.

Он взял чашку, но не пил.

— Поэтому вы так держитесь за квартиру?

Вопрос был логичным.

И всё же Лиза почувствовала сопротивление.

— Я не держусь за стены.

— А за что?

Она посмотрела на вторую чашку — мамину.

Сегодня почему-то поставила её на стол по привычке.

Марк проследил за взглядом.

Лиза убрала чашку к мойке.

— За право самой решить, когда что-то заканчивается.

Он ничего не сказал.

И этим неожиданно заслужил ещё одну маленькую долю её уважения.

Большинство людей в такие минуты начинали утешать.

Марк промолчал.

Через несколько секунд он спросил:

— Ваш отец?

— Погиб, когда я была маленькой.

— Вы его помните?

— Отрывками.

Она сказала это спокойнее, чем чувствовала.

Отец всегда существовал в её памяти набором разрозненных картинок: сильные руки, запах табака на пальто, редкий смех матери. Потом — взрослые голоса за закрытой дверью, мамыны красные глаза и фотография с чёрной лентой.

— Мама почти не говорила о нём, — добавила Лиза. — Считала, что прошлое нужно оставлять там, где оно случилось.

Марк повертел чашку в руках.

— А вы согласны?

— Нет.

— Почему?

— Потому что прошлое всё равно приходит. Особенно если его слишком старательно закрывали.

Он посмотрел на неё чуть дольше обычного.

Лиза ещё не знала, насколько точными окажутся её слова.

Марк первым вернулся к делу.

— Я хочу предложить другой вариант.

— Началось.

— Вы хотя бы дослушайте.

— Слушаю.

— Мы не будем принимать решение по вашей квартире, пока вы сами не посмотрите несколько объектов.

— Кто такие «мы»?

— Я.

— Очень демократично.

— Елизавета.

— Лиза.

Он замолчал.

Она сама удивилась, зачем это сказала.

— Что?

— Если уж сидите на моей кухне и пьёте мой кофе, можно Лиза.

На его лице появилась медленная улыбка.

— Хорошо. Лиза.

Собственное имя в его голосе прозвучало слишком лично.

Она тут же пожалела о разрешении.

— Так что вы предлагали?

— Вы смотрите варианты. Если ничего не подходит, делаем независимую оценку и увеличиваем компенсацию. Без условий.

— Почему?

— Опять?

— Да.

— Потому что вчера я действительно приехал сюда с мыслью, что вопрос можно закрыть цифрой. Сегодня уже так не думаю.

— После одной квартиры?

— После нескольких людей.

— Каких?

— Я утром заехал ещё к двум семьям.

Лиза не скрыла удивления.

— Без юристов?

— Представьте себе.

— И выжил?

— Пока да.

Она улыбнулась.

Он тоже.

Несколько секунд между ними было удивительно легко.

А потом Марк сказал:

— Вы вчера были правы.

— Запишу дату.

— Не портите момент.

— Боюсь привыкнуть.

Его взгляд задержался на ней, и он тихо произнёс:

— К чему?

Лиза почувствовала, как разговор внезапно изменил направление.

— К тому, что Корсаковы признают ошибки.

— А я подумал, ко мне.

Она поставила чашку на стол чуть сильнее, чем собиралась.

— Самооценка у вас в порядке.

— Работаю над ней.

— Видимо, круглосуточно.

Марк рассмеялся.

Лиза посмотрела на часы.

— Пять минут закончились двадцать минут назад.

— То есть я получил бонус?

— Нет. Просто вы медленно пьёте кофе.

Он поднялся.

У двери задержался.

— Я отправлю финальные предложения жильцам сегодня вечером. Но прежде вы посмотрите?

— Почему я?

— Потому что вам они доверяют.

— А вам?

— Пока нет.

Он сказал это без раздражения.

— Хотите, чтобы доверяли?

Марк задумался.

— Раньше мне было всё равно.

— А теперь?

Он посмотрел прямо на неё.

— Теперь почему-то нет.

Лиза не ответила.

Внизу, у подъезда, их снова встретила Тамара Павловна.

Она держала в руках старую сумку на колёсах.

— Лизонька, я в аптеку. Этот ваш молодой человек точно не передумает?

— Он не мой.

Старушка посмотрела на Марка, потом на Лизу.

— Я не об этом спрашивала.

Марк кашлянул, скрывая улыбку.

— Не передумаю, Тамара Павловна.

— Вот и хорошо. Богатые тоже иногда людьми бывают.

— Сегодня у меня день комплиментов.

— Не зазнавайтесь.

Она покатила сумку к воротам.

Лиза повернулась к Марку.

— Видите? Не я одна такая.

— Начинаю понимать, где вы этому научились.

— Это районное.

Он подошёл к машине, но дверь не открыл.

— Вы сегодня работаете до вечера?

— А что?

— Ничего. Просто спросил.

— Марк.

— Да?

— Если хотите что-то предложить, говорите.

Он секунду смотрел на неё.

— Нет. Сегодня не буду.

— Почему?

— Потому что вы решите, что новые условия переселения были способом пригласить вас на ужин.

Лиза чуть подняла подбородок.

— Разве не были?

— Нет.

Он ответил слишком быстро и слишком серьёзно.

И это почему-то понравилось ей больше, чем если бы он начал флиртовать.

— Тогда правильно, — сказала она.

— Что правильно?

— Что не приглашаете.

— А если завтра?

— Завтра будет завтра.

Марк улыбнулся.

— Вы невозможная женщина.

— Вам вчера уже объяснили: не всё можно получить сразу.

— Я запомнил.

Он сел в машину.

Лиза смотрела, как автомобиль выезжает со двора.

Только когда он скрылся за углом, заметила, что стоит и улыбается.

Она тут же перестала.

В мастерской работа не шла.

Лиза несколько раз брала инструмент и снова откладывала. Перед глазами всплывал Марк на её кухне — слишком большой для маленького стола, непривычно тихий, когда она говорила о матери.

Это раздражало сильнее вчерашней самоуверенности.

С самоуверенным мужчиной было просто.

Можно было злиться.

Можно было защищаться.

Гораздо опаснее было обнаружить, что за привычкой командовать скрывается человек, способный приехать утром в чужой двор, выслушать старую женщину и действительно изменить решение, когда понял, что ошибался.

Ближе к пяти пришло письмо.

От Марка Корсакова.

Тема была сухой: «Обновлённые условия расселения».

Внутри — документы и одна строка:

«Проверьте. Особенно квартиру Тамары Павловны. Я обещал, что она останется в районе».

Ни намёка на вчерашний разговор.

Ни приглашения.

Ни улыбки в скобках.

Лиза внимательно проверила все расчёты.

Ошибок не нашла.

Через час отправила ответ:

«Теперь справедливо. Спасибо».

Она долго смотрела на эти два слова.

Потом всё-таки нажала «отправить».

Ответ пришёл почти сразу.

«Сохраню. Вдруг больше никогда не похвалите».

Лиза закатила глаза.

И всё же улыбнулась.

Вечером она поднялась домой, включила свет в коридоре и вдруг остановилась.

Квартира была той же самой.

Комод у стены. Мамино пальто, которое она всё ещё не решалась отдать. Тонкая трещина на стекле старых часов. Шорох веток за окном.

Но теперь Лиза впервые подумала, что, возможно, дело не в том, чтобы любой ценой сохранить эти стены.

Возможно, сохранить нужно другое.

Память.

Свободу.

Право не быть благодарной за то, что и так должно быть справедливым.

Телефон снова завибрировал.

Сообщение от Марка:

«И ещё одно. Завтра я покажу вам объект, который построил сам. Вы ведь спрашивали».

Лиза перечитала дважды.

Можно было ответить: «Необязательно».

Можно было ничего не отвечать.

Вместо этого она написала:

«Я не обещала, что мне понравится».

Три точки появились почти мгновенно.

«На это и рассчитываю».

Лиза положила телефон экраном вниз.

Сердце билось чуть быстрее, чем следовало из-за обычной деловой переписки.

Она подошла к окну.

Во дворе зажглись редкие фонари. Дом всё ещё собирались снести. Через несколько месяцев здесь не останется ни её окон, ни знакомого подъезда, ни лавочки Тамары Павловны.

Но впервые эта мысль не показалась концом света.

Изменения всё равно приходили.

Иногда — в виде официального уведомления.

Иногда — в виде мужчины с папкой документов, который сначала раздражал, потом заставлял смеяться, а потом незаметно оставался в мыслях дольше, чем ему позволяли.

Лиза ещё не называла это интересом.

Тем более — притяжением.

Пока ей было достаточно другого открытия.

Марк Корсаков оказался не тем человеком, за которого она приняла его в первый вечер.

И именно поэтому становился опаснее.

Глава 3. Корсаков-старший

Лиза не любила высокие этажи. Не потому, что боялась высоты, — просто ей всегда казалось странным, что люди, принимающие решения о чужих домах, предпочитают смотреть на город сверху.

Приёмная Александра Корсакова находилась на двадцать седьмом этаже стеклянной башни. Отсюда старые кварталы казались почти игрушечными: крыши, дворы, узкие улицы, по которым она ещё утром шла к метро, сжимались до аккуратной схемы. Дом Лизы отсюда, наверное, вообще нельзя было различить.

Она сидела на краю светлого кресла и держала на коленях папку. В ней лежали копии договоров, выписки из реестра, фотографии квартир и три листа с расчётами. Всё, что могло доказать простую вещь: некоторым жильцам предложили условия, которые выглядели законными только до тех пор, пока не начинаешь читать мелкий шрифт.

Секретарь — женщина лет сорока с безупречно спокойным лицом — дважды предлагала ей кофе. Лиза дважды отказалась.

— Александр Сергеевич освободится через несколько минут.

— Я подожду.

Она произнесла это ровно, хотя внутри уже несколько раз пожалела, что согласилась прийти.

После разговора с Марком всё изменилось быстрее, чем она ожидала. По двум квартирам компания пересмотрела компенсацию, семье пенсионеров предложили другой вариант переселения, а юристы внезапно начали отвечать на письма не через три недели, а в тот же день.

Это было хорошо.

И именно поэтому тревожило.

Лиза не верила в добрые чудеса крупных компаний. За любым решением стоял чей-то приказ. И когда утром ей позвонили из офиса и сказали, что Александр Корсаков хочет лично обсудить ситуацию, первое желание было отказаться.

Потом она подумала о соседях.

И приехала.

Дверь кабинета открылась беззвучно.

— Елизавета Сергеевна, проходите.

Она поднялась.

Кабинет оказался совсем не таким, каким она его представляла. Ни тяжёлого дерева, ни золотых ручек, ни стены с фотографиями влиятельных людей. Пространство было почти строгим: серый камень, тёмные полки, большой стол, несколько архитектурных макетов и окно во всю стену.

Мужчина стоял у окна спиной к ней.

Когда он обернулся, Лиза сразу поняла, почему его фамилия звучала в разговорах сотрудников иначе, чем фамилия сына.

В Марке чувствовалось движение. В Александре — вес.

Он был выше, чем она представляла, широкоплечий, с коротко подстриженными тёмными волосами, в которых у висков уже появилась седина. Лицо спокойное, без попытки казаться моложе. Взгляд серый, внимательный, слишком прямой.

— Елизавета Воронцова?

— Да.

— Александр Корсаков.

— Я знаю.

На секунду в его глазах мелькнуло что-то похожее на улыбку.

— Было бы странно, если бы не знали.

Он не протянул руку через стол, а вышел навстречу. Рукопожатие оказалось коротким и сухим.

— Садитесь.

Лиза заняла кресло напротив.

Александр сел не сразу. Сначала взял с края стола тонкую папку, открыл её и просмотрел первую страницу.

— Вы подняли довольно много шума вокруг нашего проекта.

— Если бы ваши сотрудники отвечали жильцам, шума было бы меньше.

Он посмотрел на неё поверх бумаги.

— Вы всегда начинаете разговор с обвинения?

— Только когда разговор начинается после двух месяцев молчания.

Он медленно закрыл папку.

Лиза приготовилась к холодному ответу, но Корсаков неожиданно откинулся в кресле.

— Хорошо. Тогда без дипломатии. Покажите, где именно, по-вашему, мы поступаем нечестно.

Она не сразу поверила, что он действительно предлагает говорить по существу.

Лиза раскрыла свою папку.

— Вот квартира Семёновых. Они живут там тридцать восемь лет. Им предложили площадь формально на четыре метра больше, но дом находится почти в двух часах от их поликлиники. У Михаила Петровича после инсульта врач, которого он посещает каждую неделю. В ваших бумагах это называется равноценным вариантом.

— По закону он и есть равноценный.

— По закону, возможно. По жизни — нет.

— Компания не может учитывать личную историю каждого человека.

— Почему?

Вопрос прозвучал так просто, что Александр на несколько секунд замолчал.

— Потому что это сотни людей.

— Значит, когда людей становится много, у них перестаёт быть личная история?

Его пальцы перестали постукивать по подлокотнику.

Лиза продолжила, уже спокойнее:

— Я не требую невозможного. Я понимаю, что дом снесут. Я понимаю, что город меняется. Но если вы зарабатываете на этом миллиарды, разве действительно невозможно потратить несколько дней, чтобы хотя бы увидеть, кого именно вы переселяете?

— Вы считаете, что я не вижу людей?

— Я вас не знаю.

— Но уже сделали вывод.

— Я сделала вывод по документам.

В кабинете стало тихо.

Лиза неожиданно почувствовала, что слишком далеко зашла. Не потому, что боялась его власти. Скорее потому, что впервые заметила: он не раздражён.

Он слушал.

По-настоящему.

Александр протянул руку.

— Дайте мне документы.

Она передала папку.

Он пролистал несколько страниц, задержался на таблице, которую она составляла ночью.

— Это вы делали?

— Да.

— Вы юрист?

— Нет.

— Экономист?

— Тоже нет.

— Тогда откуда расчёты?

— Калькулятор бесплатный.

В этот раз он всё-таки улыбнулся.

Совсем немного.

И эта улыбка неожиданно изменила его лицо. На секунду он перестал быть человеком с журнальной фотографии и стал просто мужчиной — уставшим, живым, даже немного насмешливым.

Лиза тут же отвела взгляд.

— Чем вы занимаетесь?

— Реставрацией.

— Картин?

— Мебели. Иногда деревья, иногда декоративных элементов. В зависимости от заказа.

— Старинной?

— В основном.

— Значит, вы спасаете старое, а я его сношу.

— Не всё старое нужно спасать.

— Уже лучше.

— Но и не всё новое заслуживает того, чтобы ради него разрушали старое.

Он снова посмотрел на неё, и на этот раз пауза затянулась.

Лиза почувствовала это почти физически.

Не как флирт.

Не как попытку понравиться.

Просто внимание.

Слишком плотное, слишком сосредоточенное.

Она первой отвела глаза к окну.

— Вы давно работаете реставратором?

— Семь лет.

— Любите это?

— Да.

— Почему?

Лиза пожала плечами.

— Наверное, потому что старые вещи честнее новых.

— Это как?

— На них всё видно. Где трещина. Где кто-то пытался скрыть повреждение. Где дерево рассохлось. Где его слишком много раз покрывали лаком, чтобы не было заметно настоящей поверхности.

Александр чуть прищурился.

— Вы сейчас про мебель?

— Пока да.

В его взгляде снова появилась едва заметная усмешка.

— Марк говорил, что с вами сложно.

Лиза подняла голову.

— Он говорил обо мне?

— Говорил о проекте.

Ответ прозвучал слишком быстро и слишком точно, чтобы быть случайным.

— И что именно он сказал?

— Что вы умеете превращать техническое совещание в моральный экзамен.

— А вы верите всему, что говорит ваш сын?

— Нет. Поэтому и пригласил вас.

Теперь замолчала она.

Само упоминание Марка почему-то изменило атмосферу. Лиза вспомнила его в своей маленькой кухне, его неожиданную неловкость среди старых шкафов, его попытку не смотреть на потрескавшийся линолеум и одновременно сделать вид, что ему всё равно, где она живёт.

Он не был похож на отца.

И всё же сходство существовало.

Не во внешности.

В привычке смотреть прямо.

— Марк изменил условия по нескольким квартирам, — сказала она.

— Я знаю.

— Вы были против?

— Нет.

— Почему?

— Потому что он впервые принёс мне решение, а не проблему.

В этих словах Лиза услышала то, чего не ожидала: не гордость, но и не раздражение. Что-то сложнее.

— Вы строги к нему.

Александр медленно отложил документы.

— Вы знакомы с моим сыном несколько дней и уже готовы анализировать наши отношения?

— Нет. Просто вы произнесли это так, будто он обычно приносит вам одни проблемы.

— Иногда приносит.

— А вы никогда?

Он поднял глаза.

Она почти пожалела о вопросе.

Но Александр ответил:

— Постоянно. Просто мои обходятся дороже.

Лиза неожиданно рассмеялась.

Сама от себя не ожидала.

Смех вырвался короткий, лёгкий, почти забытый. После смерти матери она редко смеялась так — не из вежливости, не потому, что надо было поддержать разговор, а просто потому, что стало смешно.

Александр смотрел на неё.

И не улыбался.

От этого Лиза замолчала первой.

— Что?

— Ничего.

Но это «ничего» прозвучало слишком тихо.

Он снова открыл папку.

— Я дам распоряжение проверить все спорные случаи, которые вы указали. Не только Семёновых.

— И что дальше?

— Если ваши расчёты верны — предложения пересмотрят.

— Все?

— Все, где есть основания.

— А где оснований нет?

— Там ничего не изменится.

— Хотя бы честно.

— Вы ожидали, что я соглашусь со всем ради красивого финала?

— Я вообще не ожидала красивого финала.

Слова вырвались сами.

Александр посмотрел на неё дольше, чем требовал разговор.

— Почему?

Лиза почувствовала, что вопрос уже не про дом.

Она закрыла папку.

— Потому что обычно красивые финалы пишут люди, которые не жили в середине истории.

Он не ответил.

Лиза поднялась.

— Если это всё, я пойду.

Александр тоже встал.

— Елизавета.

Она остановилась.

Впервые он назвал её просто по имени.

Это прозвучало неожиданно близко.

— Да?

— Ваш дом действительно снесут.

— Я знаю.

— Я не собираюсь обещать обратное.

— И не надо.

— Но пока вы там живёте, никто не будет давить на жильцов, чтобы они подписывали документы быстрее.

Лиза внимательно посмотрела на него.

— Это распоряжение владельца компании или личное обещание?

Александр выдержал её взгляд.

— А для вас есть разница?

— Большая.

Он помолчал.

— Тогда личное.

Она кивнула.

Почему-то именно это слово задело сильнее всего остального.

Не сумма компенсации.

Не обещание пересмотреть документы.

Личное.

Лиза протянула руку.

— Спасибо.

Он пожал её ладонь.

На этот раз чуть медленнее.

Ничего неприличного, ничего даже очевидного — но Лиза вдруг слишком отчётливо почувствовала тепло его пальцев.

Она первой убрала руку.

— До свидания, Александр Сергеевич.

— До свидания, Елизавета.

Когда дверь закрылась, Александр остался стоять посреди кабинета.

Несколько секунд он смотрел туда, где она только что была.

Потом вернулся к столу и открыл папку.

На первой странице лежала её таблица — аккуратные цифры, пометки на полях, подчеркнутые фамилии.

Он прочитал первые две строки.

Не понял ни одной.

Перед глазами почему-то стояло другое: как она смеялась.

Александр раздражённо снял очки, хотя для чтения они ему почти не были нужны.

В дверь постучали.

— Да.

Вошла секретарь.

— Александр Сергеевич, через десять минут совет директоров.

— Перенесите на пятнадцать.

Она на мгновение удивилась, но кивнула.

— Хорошо.

— И ещё. Кто ведёт реставрацию особняка на Большой Ордынке?

— Подрядчик «Реставрационные мастерские Север». Почему?

— У них специалист по мебели уже утверждён?

— Кажется, да.

Александр снова посмотрел на папку.

— Проверьте.

— Если утверждён?

Он не ответил сразу.

Только провёл большим пальцем по краю бумаги, словно решение касалось не контракта, а чего-то гораздо более сложного.

— Пока ничего не меняйте. Просто узнайте.

Секретарь вышла.

Александр подошёл к окну.

Город лежал внизу огромный, подробный и одновременно безликий. Миллионы окон. Тысячи домов. Чужие жизни, которые на схемах превращались в участки, площади и сроки реализации.

Он много лет считал, что иначе большой бизнес невозможен.

Сегодня женщина с папкой из дешёвого канцелярского магазина спросила его, почему людей перестают видеть, когда их становится много.

И он не нашёл хорошего ответа.

Александр нахмурился.

Ему не нравились люди, после которых оставались вопросы.

Ещё меньше ему нравилось, что он уже искал повод увидеть её снова.

Внизу, выйдя из стеклянной башни, Лиза остановилась на тротуаре и глубоко вдохнула прохладный воздух.

Она должна была чувствовать облегчение.

Встреча прошла лучше, чем могла.

Корсаков услышал её. Пообещал пересмотреть спорные случаи. Даже дал слово не торопить жильцов.

Всё было правильно.

И всё же что-то беспокоило.

Она достала телефон.

На экране было сообщение от Марка.

«Выжила после встречи с главным тираном семьи?»

Лиза невольно улыbnулась.
Пальцы уже набрали ответ:
«Не такой уж он и тиран».
Она посмотрела на фразу и стёрла её.
Написала другое:
«Выжила. И, кажется, даже добилаcь своего».
Ответ пришёл почти сразу:
«Я же говорил: вы опасная женщина».
Лиза убрала телефон в сумку.

Перед ней двигался город — машины, люди, автобусы, спешащие прохожие. Обычный день продолжался, будто ничего не произошло.

Она сделала несколько шагов и неожиданно поймала себя на мысли, что вспоминает не Марка.

А взгляд его отца.
Спокойный.
Внимательный.
Слишком долго задержавшийся на ней в тот момент, когда она смеялась.
Лиза резко остановила эту мысль.
Глупость.
Она виделась с Александром Корсаковым один раз.
Он был старше её почти вдвое.
Он был отцом мужчины, который ей нравился.
И кроме того — человеком, чья компания собиралась снести её дом.
Этого было более чем достаточно, чтобы больше о нём не думать.
Лиза ускорила шаг.

Но иногда самые опасные истории начинаются именно с того момента, когда человек уверенно говорит себе: об этом я больше думать не буду.

Глава 4. Старинный особняк

Лиза открыла глаза ещё до сигнала будильника. За окном только намечался рассвет: двор был затянут холодным молочным светом, на стекле дрожали редкие капли ночного дождя. Квартира казалась непривычно тихой. Раньше в такие часы на кухне уже звякала чашка, мать негромко включала радио и обязательно ворчала, что Лиза снова спала с открытым окном. Теперь тишина не была отдыхом. Она стала отдельным существом, поселившимся здесь после похорон и понемногу занимавшим всё больше места.

Лиза села на кровати и потёрла ладонями лицо. На стуле лежала папка с документами по расселению дома. Вчера управляющая компания прислала новый вариант соглашений: после вмешательства Марка Корсакова условия для нескольких пожилых жильцов действительно изменили. Не радикально, но достаточно, чтобы больше нельзя было сказать, будто их просто выставляют за дверь. Лиза перечитала бумаги дважды и с неприятным удивлением поймала себя на мысли, что благодарна ему.

Благодарность раздражала сильнее злости. Злиться на богатого наследника было просто. Благодарить — означало признать, что он услышал.

На кухне она сварила кофе, отрезала кусок вчерашнего хлеба и включила телефон. Среди обычных уведомлений было письмо с незнакомого корпоративного адреса. Тема состояла всего из трёх слов: «Предложение о сотрудничестве».

Она открыла его без особого интереса, но уже через несколько строк перестала пить кофе.

Группа компаний Корсаковых приглашала её принять участие в реставрации мебели в историческом особняке на Остоженке, который готовили к открытию как небольшой гостиничный комплекс. В приложении были фотографии: дубовая библиотека, французские кресла конца девятнадцатого века, комоды с повреждённым шпоном, старые зеркала, рамы, консоли, несколько предметов, которые могли бы заставить реставратора забыть о времени.

В конце письма стояла фамилия руководителя проекта. Александр Корсаков.

Лиза перечитала подпись и медленно положила телефон на стол.

— Ну конечно, — сказала она вслух.

Квартира не ответила.

Она попыталась рассуждать спокойно. Работа была хорошая. Очень хорошая. После смерти матери Лиза отказалась от нескольких заказов, потом ещё два клиента ушли сами, устав ждать. Сбережения таяли быстрее, чем ей хотелось признавать. В ближайшие месяцы нужно было платить за аренду мастерской, материалы, лекарства, которые она так и не успела вернуть в аптеку, хотя больше они были никому не нужны. И всё же сама мысль о том, что работу предлагает Корсаков, вызывала сопротивление.

Слишком вовремя. Слишком удобно. Слишком похоже на красивую форму компенсации.

Она закрыла письмо и решила не отвечать.

Через час позвонили из мастерской. Потом соседка попросила помочь разобраться с новой редакцией договора. Потом пришёл курьер с рамой, которую Лиза должна была восстановить ещё две недели назад. К полудню она почти перестала думать о письме.

Почти.

В половине второго телефон зазвонил снова.

— Елизавета Сергеевна? Александр Корсаков.

Голос она узнала сразу. Спокойный, низкий, без привычной телефонной торопливости.

Лиза выпрямилась, хотя он не мог её видеть.

— Добрый день.

- Вам отправили предложение по особняку. Я хотел убедиться, что письмо дошло.
- Дошло.
- И?

Она посмотрела на раму перед собой. Под тёмным слоем лака уже проступала тонкая золотая линия.

- И я пока не ответила.
- Я заметил.

В его голосе не было ни раздражения, ни давления. Именно это настораживало сильнее.

- Скажите прямо, Александр Викторович. Это связано с домом?

На другом конце возникла короткая пауза.

- Нет.
- С тем, что я пришла к вам и устроила неприятный разговор?
- Тоже нет.
- Тогда почему я?
- Потому что вы реставратор. Я посмотрел ваши работы.

Лиза нахмурилась.

- Когда успели?
- После нашей встречи.
- То есть всё-таки после нашей встречи.

Он негромко усмехнулся.

- Последовательность событий не всегда означает причинную связь.
- Удобная формулировка.
- Удобная, но в данном случае честная.

Лиза промолчала.

— Приезжайте и посмотрите объект, — продолжил Корсаков. — Ничего не подписывайте. Если решите, что работа вам не подходит, на этом закончим.

- А если решу, что предложение похоже на попытку откупиться?

Теперь пауза была чуть длиннее.

- Если бы я хотел откупиться от вас, сумма была бы гораздо больше.

Она неожиданно улыбнулась и тут же рассердилась на себя за это.

- Это должно было прозвучать убедительно?
- Нет. Просто правдиво.

Лиза подошла к окну. Внизу блестел мокрый асфальт, дворник тащил мешок с листьями, возле подъезда спорили две женщины.

- Когда?
- Сегодня в пять.
- Вы всегда предполагаете, что люди свободны в то время, которое удобно вам?
- Нет. Но сегодня я предположил правильно.

Она прикусила губу.

- Хорошо. В пять.
- Я пришлю адрес.

Он первым закончил разговор.

Лиза ещё несколько секунд держала телефон у уха, потом положила его на стол.

- Самоуверенный, — сказала она.

Но уже через минуту поймала себя на том, что смотрит на часы.

К особняку она приехала без десяти пять.

Дом стоял в глубине небольшого двора за чугунной оградой. Светло-серый фасад с белыми наличниками выглядел слишком спокойным для центра города. По обеим сторонам главного входа тянулись высокие окна, на фронтоне темнел старый герб, в котором Лиза не

сразу разобрала переплетённые буквы. Даже строительные леса не разрушали впечатления достоинства, будто дом терпел ремонт из вежливости и точно знал, что переживёт всех, кто сейчас распоряжается его судьбой.

У ворот её встретил молодой охранник, сверился со списком и пропустил внутрь.

В холле пахло деревом, пылью, известью и чем-то ещё — старым домом, который вскрыли после долгого молчания. Для Лизы этот запах был почти родным.

— Елизавета Сергеевна?

Она обернулась.

Александр Корсаков стоял у лестницы без пиджака, в тёмной рубашке с закатанными до локтей рукавами. Без кабинета, секретаря и огромного стола он выглядел иначе — не менее собранным, но живее. В руках у него были чертежи.

— Вы приехали, — сказал он.

— Я обещала посмотреть.

— Этого пока достаточно.

Он не протянул руку и не попытался сократить расстояние между ними. Лиза почему-то это заметила.

Они прошли через анфиладу комнат. В одной рабочие снимали паркет, в другой реставраторы очищали лепнину. Александр говорил мало, не перегружал её цифрами и не пытался впечатлить стоимостью проекта. Он показывал предметы, которые хотели сохранить, и слушал её замечания.

Возле старого орехового секретера Лиза остановилась.

— Его собирались менять?

— Подрядчик предложил копию.

— Потому что проще заказать новую вещь, чем понять старую.

— Вы сейчас о мебели?

Она посмотрела на него.

— А вы?

Едва заметная улыбка коснулась его лица.

— Продолжайте.

Лиза провела пальцами над поверхностью, не касаясь её.

— Здесь повреждён шпон, но каркас цел. Фурнитура частично родная. Если снять поздний лак, под ним может сохраниться первоначальный рисунок. Выбросить его — преступление.

— Строго.

— У меня профессия такая.

— Судить?

— Спасать то, что другие слишком быстро списали.

Фраза прозвучала неожиданно серьёзно. Лиза замолчала.

Александр тоже ничего не сказал, но взгляд его задержался на ней дольше, чем требовал разговор о мебели.

Она первой отвернулась.

Следующая комната оказалась библиотекой. Высокие шкафы были закрыты защитной плёнкой, лестница лежала на полу, книги временно вывезли. В центре стояли четыре кресла с выцветшей зелёной обивкой.

Лиза присела возле одного.

— Эти нужно делать обязательно.

— Почему?

— Посмотрите на подлокотники. Их держали руками десятилетиями. Новая вещь никогда не даст такого ощущения.

— Ощущения чужих рук?

— Ощущения жизни.

Корсаков медленно кивнул.

— Именно поэтому я не хочу превращать этот дом в декорацию.

Лиза подняла на него глаза.

— Тогда почему гостиница?

— Потому что дом должен жить, а не быть мавзолеем.

В этой фразе было что-то личное, и Лиза это услышала.

— Он принадлежал вашей семье?

— Когда-то. Потом был национализирован, позже возвращён частично. Я выкупал помещения по частям почти десять лет.

— Зачем?

Александр посмотрел на окна, за которыми темнел ранний вечер.

— Наверное, потому что некоторые вещи хочется вернуть, даже если уже невозможно вернуть время.

Лиза почувствовала лёгкое, почти необъяснимое напряжение. Секунду назад перед ней был владелец компании. Теперь — человек, который сказал больше, чем собирался.

Она могла спросить. Не стала.

Они поднялись на второй этаж. В конце коридора Александр открыл дверь в небольшую комнату с двумя окнами во двор.

— Здесь можно организовать временную мастерскую, если вы возьмётесь за проект.

Лиза огляделась. Свет был хороший, окна высокие, рядом имелась маленькая подсобка с водой. У стены уже стояли два рабочих стола.

— Вы подготовили мастерскую до того, как я согласилась?

— Не для вас. Для того, кто будет работать с мебелью.

— И снова последовательность событий ничего не означает?

— Вы быстро учитесь.

Она рассмеялась — коротко, против воли.

Александр посмотрел на неё так, будто этот смех оказался неожиданнее любого возражения.

Лиза первой стала серьёзной.

— Мне нужны условия договора.

— Конечно.

— Я сама определяю технологию реставрации. Если ваш дизайнер решит, что старинный стол лучше выкрасить в модный цвет, я уйду.

— Принято.

— Материалы согласуются со мной.

— Принято.

— И никакой связи с переселением жильцов нашего дома.

Александр посмотрел прямо на неё.

— Никакой.

— Даже если я снова буду спорить с вашей компанией?

— Даже если снова придёте спорить лично со мной.

— Вы уверены?

— Нет, — спокойно сказал он. — Но договор это переживёт.

Она опустила взгляд, скрывая улыбку.

Внизу их ждал юрист с папкой. Лиза не стала подписывать сразу. Села за стол, прочитала каждую страницу, задала вопросы по срокам, ответственности и оплате. Александр всё это время стоял у окна и ни разу не поторопил её.

На верхнем листе лежала служебная записка с визой Ирины Корсаковой — младшей сестры Александра и члена совета директоров, курировавшей финансовый блок группы. Лиза задержала взгляд на знакомой фамилии.

— Сестра? — спросила она.

— Да. Ирина отвечает за финансы.

— И одобрила мой бюджет?

— После нескольких возражений.

— Уже нравится.

Александр усмехнулся.

— Не торопитесь с выводами.

Сумма оказалась выше, чем она ожидала, но не настолько, чтобы выглядеть неприлично щедрой. Рыночная. Возможно, чуть выше средней — с поправкой на сложность и срочность.

— Я хочу изменить пункт о досрочном расторжении, — сказала Лиза.

Юрист поднял глаза.

— В какой части?

— Компания может отказаться от моих услуг с оплатой фактически выполненных работ.

Тогда и у меня должно быть такое же право без штрафа.

Юрист посмотрел на Александра.

— Исправьте, — сказал тот.

Лиза поставила подпись только после новой распечатки.

Когда всё закончилось, было уже почти восемь.

На улице дождь усилился. Капли густо били по каменным ступеням, машины скользили по мокрой улице длинными световыми полосами.

— Машина вас отвезёт, — сказал Александр.

— Не нужно.

— Там дождь.

— Я заметила.

— Это не предложение купить вашу независимость, Елизавета Сергеевна. Просто машина.

Она застегнула пальто.

— Вот видите. Вы уже начинаете понимать, как это звучит с моей стороны.

— Я быстро учусь.

Он вернул ей её же фразу, и Лиза невольно улыбнулась.

— До свидания, Александр Викторович.

— До завтра.

Она остановилась.

— Почему до завтра?

— Вы только что подписали договор.

— Это не значит, что я начну утром.

— Нет. Но вы начнёте.

В нём снова появилась та раздражающая уверенность, которая почему-то уже не злила её так сильно.

Лиза раскрыла зонт и вышла за ворота.

Александр остался под навесом.

Он смотрел ей вслед дольше, чем следовало.

Не потому, что она была красивой — хотя это было невозможно не заметить. Не потому, что спорила с ним — спорщиков в его жизни хватало. И даже не потому, что отказалась от машины.

Его тревожило другое.

Рядом с ней он начинал ждать следующего разговора.

А это уже не имело никакого отношения к реставрации.

Лиза тем временем шла к метро, прижимая папку с договором к груди. Внутри было непривычное чувство — смесь облегчения, азарта и осторожности.

Работа ей нравилась. Особняк нравился ещё больше.

А Александр Корсаков нравиться не должен был.

Эту мысль она отогнала сразу.

Но именно она вернулась первой, когда вечером Лиза открыла дверь своей пустой квартиры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.